

АНА И АНАНАС

Диетическая комедия в четырех картинах

Действующие лица:

Ана

Влад

Павел

Паша

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Первая сцена в салоне

Тогда Ана решила помыть волосы.

АНА. У тебя такие мягкие руки. Приятные. Почему у мужчин такие нежные руки?

ВЛАД. Они боятся причинить боль. Поэтому подушечки пальцев всегда осторожно дотрагиваются. Почти скользят...

АНА. Скользни еще.

ВЛАД. Здесь?

АНА. Да. Теперь выше. Хорошо. Какое удовольствие, когда ты моешь волосы. А сейчас у затылка. Вот так.

ВЛАД. Тебя возбуждает?

АНА. Немного. Но это совсем не то, о чем ты думаешь.

ВЛАД. О чем думаешь ты?

АНА. Могу ли я кончиками пальцев влюбить в себя одного мужчину? Или хотя бы обратить на себя его внимание? Или хотя бы помочь ему найти в себе новую нежность, и чтобы это открытие перевернуло его представление о ласке.

ВЛАД. Тогда тебе придется долго и усердно тренироваться.

АНА. Не поняла.

ВЛАД. Связь с клиентом – это не просто флирт, это целое мастерство.

АНА. Это сложнее, чем научиться кун-фу?

ВЛАД. Я не владею кун-фу, но я владею многими клиентами. Через мои руки их прошло очень много во многих салонах красоты. Я на них учился умению и оболщению. Я каждое движение, каждый жест выучил до миллиметровой точности.

АНА. Ты достиг, чего хотел?

ВЛАД. Да. Теперь я могу с закрытыми глазами довести клиента до радостного отчаяния, когда он готов до следующего утра оставаться в кресле при условии, что я ему буду бесконечно мыть голову. Но он этого не скажет, и поэтому он так отчаян. Но мы оба знаем, что мы хотим повторить этот момент в следующий раз. Поэтому между первоклассными парикмахерами и чувствительными клиентами всегда устанавливаются трогательные интимные связи.

АНА. Сразу со всеми?

ВЛАД. Конечно! Но твой клиент должен думать, что только он один такой индивидуальный, что только его тело подходит к моим рукам, что только ему я могу доставить радость. А я подыгрываю ему, обещаю, что у меня никогда не было и больше никогда уже не будет такого единственного и чудесного.

АНА. Но ведь наши клиенты понимают, что они не одиноки, а еще они любят слушать истории про других.

ВЛАД. Естественно любят слушать, но только плохое и смешное. Но мы их убеждаем, что остальные – настоящие придурки, а он – интересный, тонкий, остроумный. Мы всегда рады видеть его и только его. Мы даже скучаем, если он подолгу не приходит. Я закончил. Пора ополоснуть.

АНА. Нет, еще немного. Возле ушей.

ВЛАД. Хорошо.

АНА. Как ты определяешь, что именно в этом месте головы проходит граница удовольствия?

ВЛАД. На ощупь. Мои пальцы теплеют, потом сильнее горят, а его тело отвечает взаимностью. Оно дрожит, но так неуловимо тихо, что только уши пальцев могут разобрать его шепот.

АНА. Ты разгадал хоть один?

ВЛАД. Вода заглушала, но я догадался.

АНА. Научи меня читать мысли волос.

ВЛАД. Скажи, что лучше: книга или эмоции, которая она вызывает?

АНА. Лучше второе.

ВЛАД. Тогда и волосы не так важны, как их запах. Но запах может похитить ветер, и останется воспоминание. После сильных дождей у воспоминаний смываются яркие черты, и остается грусть. Во время большого праздника ты и о ней забудешь, когда станешь по-детски громко смеяться, но от частого смеха льются слезы, которые моментально высыхают.

АНА. Я поняла. Главное, это мгновенные вспышки между двумя людьми.

ВЛАД. Сверхскоростные эмоции между двумя органами! Чтобы их уловить, тебе надо быть быстрее человеческой мысли. Одна маленькая задержка может погубить все живое на полгода вперед.

АНА. То есть восстановлению не подлежит.

ВЛАД. Ты влюбилась, маленькая?

АНА. Я никогда не влюбляюсь, но я всегда влюбленная.

ВЛАД. В кого на этот раз?

АНА. В глаза. Я увидела их в зеркале, когда стояла сзади него и собиралась равнять ему челку. Впервые меня смутил взгляд темных глаз. Они внимательно наблюдали за моими движениями. Мне стало неловко. Я окончательно потерялась в его кудрях. А он понял свою силу и спросил, могу ли я оказывать свои услуги на дому. Я согласилась.

ВЛАД. Ты была очень быстра.

АНА. Я была стремительна. Мои «да» опережали мои «нет». Я не понимала, что делала, но знала, что я этого хочу.

ВЛАД. Когда же ты окажешь первую услугу?

АНА. Сегодня после смены.

ВЛАД. Поздравляю. Передай привет темным глазам. Хотя я бы им не доверял. Темные могут погубить голубые. Они всегда сильнее, потому что темные глаза забирают свет, а могут и забрать тебя. Все. Довольно мыть волосы, пора их сушить.

АНА. Вот так всегда.

ВЛАД. Хорошо, если сегодня эти слова повторит твой вечерний клиент. Кстати, что скажешь Паше?

АНА. Ничего.

ВЛАД. Действительно, зачем ему говорить.

АНА. Тем более я никогда не клялась Паше в любви.

ВЛАД. Он тебе тоже.

АНА. Значит...

ВЛАД. ...у вас нет запретов...

АНА. ... на новые эмоции.

ВЛАД. Новые? Ты еще чего-то не знаешь в этой жизни?

АНА. Кажется, что знаю все, но каждый раз я так приятно удивляюсь. Сильно замуриваю глаза, потом открываю и так удивляюсь!

ВЛАД. Правда?

АНА. Еще как!

ВЛАД. Так ты шлюха?

АНА. Я не шлюха. Я просто очень общительная.

ВЛАД. И, наверное, очень любопытная.

АНА. Наверное.

ВЛАД. Хочешь пару наставлений?

АНА. Можно и больше.

ВЛАД. Тебе достаточно и пары. Первое, откажись сегодня от ужина. Второе, откажись сегодня и от секса.

АНА. Эти правила я и сама знаю. Но как можно отказываться оттого, что любишь и хочешь?

ВЛАД. Потерпи, маленькая.

АНА. От еды еще можно отказаться. Я поем по дороге.

ВЛАД. Я не сомневаюсь.

АНА. Но что подумает мужчина о женщине, которая ему отказывает?

ВЛАД. Только то, что она его сильно желает.

Первая сцена у клиента

Тогда Ана решила отказаться.

АНА. Я не голодна.

ПАВЕЛ. Я тоже.

АНА. Значит, сразу приступим к делу?

ПАВЕЛ. Может, сначала познакомимся по-настоящему? Павел.

АНА. Вот как? Хорошо, что не Паша.

ПАВЕЛ. Какая разница?

АНА. Большая. Павел – это Павел. А Паша – это Паша.

ПАВЕЛ. Понятно. А вас как?

АНА. Ана. С одним «н».

ПАВЕЛ. А что случилось со вторым?

АНА. Я с ним рассталась. Было тяжело, но пора было что-то менять в жизни. Я выбрала новое имя.

ПАВЕЛ. Почему так вам мешала в жизни вторая буква «н»?

АНА. Да и не мешала вовсе. Просто на работе, когда нет работы, я читаю газеты. Особенно мне нравится читать колонку некрологов.

ПАВЕЛ. Интересно почему?

АНА. Вам действительно интересно?

ПАВЕЛ. Излагайте.

АНА. Тогда слушайте. Газеты читают люди в разных городах, и вдруг они узнают, что где-то умер неизвестный им человек. Они никогда его не видели, никогда не придут на его могилу, но на какой-то миг они поймут, что на планете Земля уже кого-то не хватает. Они потом все забудут, займутся своими делами, но газеты с именами умерших будут еще долго желтеть и пылиться в библиотеках.

ПАВЕЛ. Это даже надежнее, чем плиты на кладбищах.

АНА. Точно. Плита одна, а тираж газеты огромный.

ПАВЕЛ. Плиты исчезают, а газеты хранятся.

АНА. Правильно. И вот однажды я прочла, что в нашем городе умерла моя тетка, однофамилица. И даже отчество у нее было такое же, и возраст такой же. Представляете мое ощущение от прочитанных слов? Жуткое. Такое чувство, что я уже не живу, меня никто не видит. Как будто я призрак. Затем меня возмутила ее наглость. Какое она имела право так называться? Потом я подумала, кто мы такие люди с одинаковыми фамилиями? Может мы кровные родственники или просто родственные души? Ведь не зря мы такие... одинаковые. В Интернете я выяснила, что в мире числится более двенадцати тысяч таких, как я, от трехмесячных до восьмидесятилетних. Вот тогда я и решила поменять свою жизнь так, чтобы ни с кем не связывать свою судьбу и никогда уже не умирать на страницах газет. Я стала единственной во Вселенной, всего лишь убрав одну букву «н».

ПАВЕЛ. Вот мы и познакомились, Ана с одним «н».

АНА. Павел, может, перейдем на «ты»?

ПАВЕЛ. Зачем?

АНА. Мы – ровесники. Так проще. Это сближает.

ПАВЕЛ. Мне проще обращаться на вы. И пока у нас только деловые отношения.

АНА. Только пока?

ПАВЕЛ. Пока.

АНА. А что будет потом?

ПАВЕЛ. Все зависит от вас.

АНА. Давайте я вас уложу.

ПАВЕЛ. Куда?

АНА. Как это сказать? На голове.

ПАВЕЛ. Хорошо. Сделайте мне бездумную, вернее беззаботную укладку.

АНА. Разлетайку?

ПАВЕЛ. Наверное.

АНА. У вас очень тонкие волосы. Вы лысеете. У вас еще есть пять лет.

ПАВЕЛ. Чтобы подобрать парик?

АНА. Чтобы жениться.

ПАВЕЛ. Может, все-таки парик?

АНА. Лучше короткая стрижка или голый череп. Так будет стильно. Не люблю, когда мужчина прячет свои недостатки. Лучше пусть его лысина будет гордой и вызывающей.

ПАВЕЛ. За пять лет я что-нибудь придумаю, а вы умеете, Ана, испортить настроение.

АНА. Это была всего лишь профессиональная рекомендация. А зачем вам на ночь укладка?

ПАВЕЛ. Чтобы спать красиво. Осторожно! У меня здесь эрогенная зона.

АНА. Простите.

ПАВЕЛ. Как жалко, Ана, что вы не худенькая.

АНА. Какая вам разница?

ПАВЕЛ. Я бы вас так сильно любил, если бы вы были тоньше. Я бы носил вас на руках, усаживал бы вас на свои колени и называл бы тебя девочкой моей, девонькой, девчущечкой. Но почему все не так? Вы умная, яркая, симпатичная, но вас так много для меня одного.

АНА. Я вам не нравлюсь?

ПАВЕЛ. И да, и нет. Но если вы такая большая, то сделайте большой поступок, Ана: похудейте ради меня.

АНА. Так меня еще никто не соблазнял.

ПАВЕЛ. Так получилось.

АНА. Зачем вы меня пригласили?

ПАВЕЛ. Я пригласил вас сделать мне обычную укладку, а теперь вас прошу о многом. Но по сравнению с вами, разве это так много?

АНА. Вы думаете, что я из-за такого клиента начну худеть?

ПАВЕЛ. Не думаю, но очень хочется, чтобы ко мне раз в неделю приходила стройная девушка.

АНА. А если я не соглашусь?

ПАВЕЛ. Я буду снова искать.

АНА. Так вы меня искали?

ПАВЕЛ. Да. Вам приятно это знать?

АНА. И да, и нет. Вы меня и радуете, и огорчаете. Вы меня и будоражите, и охлаждаете. Понимаете, как будто мы с вами две дикие перелетные птицы, но только разных видов. Нам хорошо петь на одной поляне, но у нас разный набор хромосом. Мы никогда не сможем размножаться, мы сможем только имитировать секс.

ПАВЕЛ. Я в вас не ошибся. Вы мне нужны.

АНА. Чтобы спать красиво?

ПАВЕЛ. И это тоже.

АНА. Маловато как-то.

ПАВЕЛ. Я потом добавлю.

АНА. Я подумаю.

ПАВЕЛ. Думайте, Ана, думайте. И худейте. Вы тогда станете такая легкая. И ваши мысли, желания станут легкими, полупрозрачными, как и наши отношения.

АНА. Зачем мне все это?

ПАВЕЛ. Так интереснее жить, не правда ли?

АНА. Мне всегда интересно жить. Я закончила укладку. Могу ли я уйти?

ПАВЕЛ. Можете.

АНА. Когда я понадобится вам в следующий раз?

ПАВЕЛ. Через неделю. Я буду ждать и надеяться на взаимность мыслей.

АНА. Мне будет сложно.

ПАВЕЛ. Я в вас верю, Ана.

АНА. До свидания, Павел.

ПАВЕЛ. До свидания, милое создание.

Первая сцена в гостях

Тогда Ана решила похудеть.

АНА. Я очень толстая.

ПАША. Ты хочешь кушать?

АНА. Не хочу я кушать, я хочу знать, очень ли я толстая?

ПАША. В каком месте?

АНА. Всюду.

ПАША. Вооруженным взглядом не видно.

АНА. Это плохо. Я стала такой большой, что сливаюсь с полной луной.

ПАША. Зато мне не нужен телескоп, чтобы увидеть тебя.

АНА. Паша, Паша. И на солнце бывают пятна.

ПАША. Да? Ты не в духе. Хочешь, я сделаю тебе бутерброд?

АНА. Сделай. Нет. Не надо. Хотя. Нет. Вообще то, давай. Я же решила, что хватит! Ничего мне не надо. Я не ем перед сном.

ПАША. С каких пор?

АНА. С сегодняшних пор. Мне сегодня стало тяжело дышать. Мне надо похудеть.

ПАША. Зачем?

АНА. Чтобы стать легче воздуха. Чтобы меня нес ветер. Чтобы я улетела далеко. Чтобы я была одна. Чтобы я никого не видела...

ПАША. Давай займемся любовью.

АНА. Я не занимаюсь любовью перед сном.

ПАША. Вот как?

АНА. Да. Я после шести вечера не буду ни есть, ни заниматься любовью.

ПАША. Ой, как страшно. Надо что-то делать. Тебя надо спасать.

АНА. Спаси меня, Паша. Пожалуйста.

ПАША. Но я тебя люблю такую полную, наполненную жизнью, счастьем, сексуальной энергией. А вдруг ты вместе с калориями начнешь все это терять? Все то, что я так в тебе люблю.

АНА. Может. Все может. Но я должна на время отказаться от удовольствий. Я придумала! Помнишь, как ты раньше ел хлеб? Ты никогда его не любил, но ты рвал его мякоть, мял в руках, а потом лепил всяких причудливых животных.

ПАША. А из последних крошек я лепил для тебя розу и вручал ее тебе. Но ты постоянно отвергала мои цветы.

АНА. Меня это сильно раздражало, я теряла аппетит. Паша, дари мне чаще цветы. Пусть они будут из мякиша, зато я перестану есть.

ПАША. Нет. Так нельзя. В мире существуют продукты, которые можно есть бесконечно и не поправляться. И есть позы и движения в сексе, от которых можно растаять.

АНА. Про позы поговорим в другой жизни. Так о каких продуктах ты вел речь?

ПАША. Например, суп. Если есть только одни супы...

АНА. Паша, я не смогу на работе есть супы. Во-первых, их негде разогреть. Во-вторых, я не смогу при всех стучать ложкой о стеклянные стенки банки, как звонарь в колокол. Мне же не надо разгонять чертей, мне надо расщеплять жиры.

ПАША. Вот супы...

АНА. Супы – это... жиденько и мелко.

ПАША. Хорошо, дорогая. Перейдем тогда к яйцам. Яйца – очень удивительные создания со своим особенным секретом. Их нужно варить одиннадцать минут.

АНА. Яйца не годятся.

ПАША. Почему?

АНА. Потому что я постоянно буду думать про яйца, а я этого не хочу. Я тогда не смогу сосредоточиться.

ПАША. Действительно. Для этого необходима большая сила воли. Как насчет грейпфрута?

АНА. Какое слово. Несексуальное.

ПАША. Ого! Зато в этом несексуальном грейпфруте содержится несексуальный нарингин, который сжигает несексуальный жир.

АНА. Но он еще и такой горький, противный, пахнет бензином.

ПАША. Не правда. Не пахнет.

АНА. Мне пахнет.

ПАША. Какая ты нудная!

АНА. Какая есть.

ПАША. А что ты мне скажешь вся, какая есть, о бромелайне?

АНА. Это еще что?

ПАША. О! Бромелайн – это волшебный фермент, который уничтожает белки и «гасит» чувство голода. Содержится в ананасах.

АНА. Ананасы я люблю.

ПАША. Вот видишь. Кроме того, в ананасах есть еще и энзим.

АНА. Как красиво звучит! Бромелайн и энзим. Энзим и бромелайн. Как в соборе. Согласны ли вы, энзим, взять в жены бромелайн?

ПАША. Согласен.

АНА. Согласны ли вы, бромелайн, взять в мужья энзим?

ПАША. Да.

АНА. Объявляю вас мужем и женой. Паша, целоваться не надо.

ПАША. В знак вечной любви.

АНА. Ладно. Один раз в правую руку.

ПАША. Странно. Она незнакомо пахнет.

АНА. У меня новый клиент.

ПАША. У него изощренный запах.

АНА. Какой?

ПАША. Изощренный.

АНА. Хорошо, что не «извращенный».

ПАША. Есть подозрения?

АНА. Нет, нет. Все в рамках приличий.

ПАША. Береги себя.

АНА. Конечно.

ПАША. Ну, раз мы выбрали тебе пищевой рацион для похудения, то почему бы нам ни перейти и к физическим упражнениям для этой высокой цели?

АНА. Неужели секс так важен в жизни?

ПАША. Очень важен. Кроме первых и последних двенадцати лет жизни.

АНА. А как же высшие материи, философские проблемы?

ПАША. А я каждый день решаю философские проблемы.

АНА. Какие?

ПАВЕЛ. Я все время рассуждаю, что первичнее: плоть или душа, похоть или любовь?

АНА. Профессор, уже поздно. Мне еще надо зайти в универмаг за бромелайном, а вам нужно еще решить вашу большую философскую проблему.

ПАША. Точно не хочешь остаться?

АНА. Ты же знаешь, я люблю спать одна.

ПАША. Знаю.

АНА. Тогда не задерживай меня.

ПАША. Не держу.

АНА. Пока.

ПАША. Ага.

Первая сцена дома

Тогда Ана вернулась домой с полным набором средств для нового образа жизни. Из пакетов она доставала ананасы свежие, консервированные и в виде сока без сахара. Ане казалось, что сегодня ее день рождения, и все гости дарили ей только разноцветные ананасы. В радужном порыве Ана нарезала ананасы на кружочки, кубики, сердечки, обильно поливала их «собственным» соком и торжественно поглощала внутрь. Давно она не была так счастлива.

Только одна тревожная мысль омрачала ее детский праздник: наверное, она все-таки купила мало ананасов. Поэтому последние кусочки были особенно приятны. Фруктовая плоть плавно переваривалась и зарождала новые необъяснимые женские чувства.

Тогда Ана ощутила новый вкус.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вторая сцена в салоне

Тогда Ана устала работать.

АНА. Как мне все надоели. Посмотри на этих клиентов. Какие они все-таки уроды! А так хотят быть красивыми. Зачем им дорогие прически? Я два часа стою над ними, изматываю свои руки-ноги, а они сегодня напьются на банкете, а завтра утром встанут, прическу разрушат и пойдут на улицу собак пугать. Уроды!

ВЛАД. Не дуйся, маленькая. Даже для уродов существует личная жизнь.

АНА. Любопытно, что чувствует урод, когда он занимается сексом с уродкой?

ВЛАД. А ты представь.

АНА. Представляю. Вот живет страшный человек. Очень страшный. Но он может почувствовать и оценить всю красоту заката, он листает глянцевые журналы, любит зеленый мох на полуразрушенных церквях и давно хочет поцеловать самую красивую девушку из соседнего дома. Так почему, все это понимая, он женится на отвратительной особе? Он же видит, что она пугающе отвратительна, но он ей объясняется в любви, гладит ее тело и получает оргазм. А на следующий день в автобусе он встречает красавицу из соседнего дома и снова хочет ее поцеловать. Это же так несправедливо.

ВЛАД. А ты думаешь, он был бы счастлив в браке с красивой соседкой?

АНА. Не знаю.

ВЛАД. Вот видишь.

АНА. Так что же нам делать?

ВЛАД. Ничего. Мы никогда не сможем узнать, кто даст нам счастье: такие же, как мы, или совсем другие. Поэтому уроды женятся на уродках, брюнеты на блондинках, высокие на высоких, темноглазые на голубоглазых...

АНА. Стройные на стройных.

ВЛАД. И наоборот.

АНА. Но все показатели не имеют никакого значения.

ВЛАД. Да. Порой я думаю, что только с одним человеком на земле я был бы поистине счастлив. С клоном.

АНА. С кем?

ВЛАД. Со своим клоном. Мы бы отлично ладили. У нас бы были общие мысли, хобби, привычки, желания. Мы бы не скучали в отпуске и по вечерам. Мы бы увлекательно общались. Мы бы знали друг о друге все, но нас бы это не угнетало со временем. Мы были бы прекрасно одинаковыми. Как хорошо бы нам было и в постели, и порознь!

АНА. Так хочется плакать от твоих слов, но я даже этого не могу.

ВЛАД. Что с тобой, маленькая?

АНА. Плохо. Очень плохо. Я трачу все деньги на ананасы, я ем только ананасы, я худею из-за ананасов, но я начинаю испытывать боль и чувство страха. Это все из-за ананасов?

ВЛАД. Нет, конечно. Это все из-за него.

АНА. Ты уверен, что из-за него?

ВЛАД. Что ты сейчас чувствуешь?

АНА. Я чувствую, он меня губит. Он хочет сделать из меня своего клона. Сначала мы станем одинаково весить, потом я куплю темные линзы, через пять лет мы будем оба лысые, потом я сменю пол, и мы будем очень счастливы! Какой кошмар...

ВЛАД. Давай его убьем.

АНА. Что? Мне послышалось или я схожу с ума?

ВЛАД. Это я сказал. Если тебя не устраивает человек, то представь, что ты его убила, или что он попал под троллейбус. Закрой глаза. Тыходишь к его телу. Теперь подумай, ты испытываешь облегчение из-за того, что его больше нет?

АНА. Нет.

ВЛАД. Тогда пусть живет.

АНА. Пусть. А ты, оказывается, такой кровожадный.

ВЛАД. Это издержки нашей профессии. У тебя бывает иногда великая слабость в руках, когда ты боишься поранить клиента? Мучительно боишься отрезать ему ножницами кусок уха или нечаянно опасной бритвой перерезать ему горло?

АНА. Есть такое.

ВЛАД. А бывает, что тебя специально так и тянет полоснуть его по лицу чем-нибудь острым?

АНА. Особенно сегодня. Так и хочется.

ВЛАД. Такая у нас работа.

АНА. Очень нервная.

ВЛАД. Я мечтаю написать про нашу работу роман - детектив.

АНА. Ты?

ВЛАД. Да, я. Сейчас модно писать. Я считаю, что каждый уважающий себя человек, особенно женщина, должен написать хоть один детектив. Я напишу про серийного убийцу – парикмахера, который убивает своих клиентов у них на дому.

АНА. Тогда он потеряет левый заработок.

ВЛАД. Зато получит наслаждение и кое-что из личных вещей жертвы.

АНА. Интересно ты завернул.

ВЛАД. Да. Он убивает только мужчин, и знаешь как?

АНА. Как?

ВЛАД. Он им говорит, что у них растут густые и некрасивые волосы в ушах.

АНА. Нет!

ПАВЕЛ. Да! Те просят их убрать. Убийца начинает их остригать острыми длинными ножницами, а потом резко и глубоко залезает ножницами в ухо. Наступает мгновенная глухота, а потом и смерть!

АНА. Красиво.

ВЛАД. Правда, следовательно все-таки подумает, почему это у всех покойников похожие прически, и тогда он выйдет на след парикмахера.

АНА. А почему у них похожие прически?

ВЛАД. Потому что обычно у всех наших клиентов есть комплексы, и отсутствует вкус. Но они всегда знают, что им идет, а что нет.

АНА. Хотя на самом деле это совсем не так.

ВЛАД. Это мы знаем, но наши клиенты, конечно же, нет. Поэтому мой герой творил свои лучшие прически на трупах. Это были шедевры! Только оценить их по достоинству могли только патологоанатомы с чувством вкуса и следовательно. Он даже в конце романа попросит убийцу постричь его.

АНА. Тот согласится?

ВЛАД. Да. Это будет его последняя и самая прекрасная прическа в жизни. В финале парикмахера приговорят к смерти, а следовательно выиграет конкурс красоты.

АНА. Как трогательно. Только меня почему-то тошнит.

ВЛАД. В чем дело, маленькая?

АНА. В моей диете. Как я хоть выгляжу?

ВЛАД. Если бы тебя сейчас увидела кукла Барби, она бы умерла от зависти.

АНА. Все куклы – такие дуры.

ВЛАД. Не расстраивайся, маленькая. Ты просто переела ананасов, а организму всегда хочется чего-то еще. Поэтому ты сегодня или изнасилуй своего Павла, или не ешь больше ананасы.

АНА. А лучше и то, и другое.

ВЛАД. Еще бы!

АНА. Пожелай мне лучше чего-нибудь приятного.

ВЛАД. Дай, Бог, тебе здоровья и легких родов.

АНА. Большое женское спасибо.

ВЛАД. Маленькое мужское пожалуйста.

Вторая сцена у клиента

Тогда Ана устала худеть.

АНА. Прошла неделя. Я вам нужна?

ПАВЕЛ. Проходите.

АНА. Что вы желаете сегодня?

ПАВЕЛ. Может, перейдем на «ты»?

АНА. Нет. Меня устраивают только деловые отношения.

ПАВЕЛ. А я как раз хотел, чтобы вы сегодня отдохнули, ничего бы не делали со мной. Мы бы сидели, смотрели бы долго друг на друга, не отрывая восторженных глаз, а когда бы глаза устали, то мы бы стали мило и весело общаться за ужином.

АНА. Вы уже не хотите, чтобы я похудела?

ПАВЕЛ. Хочу.

АНА. Тогда о каком ужине может идти речь?

ПАВЕЛ. О моем. Кушать буду я, а вы общаться.

АНА. Я сыта общением. Давайте я вас быстро обслужу и уйду. Я очень устала.

ПАВЕЛ. Ана с одним «н».

АНА. Да?

ПАВЕЛ. Вы действительно верите в то, что пришли сегодня сюда работать?

АНА. Нет.

ПАВЕЛ. Тогда зачем все эти разговоры?

АНА. Затем, что я хочу услышать от вас, как я хорошо выгляжу, как я посвежела, какая я стала стройная...

ПАВЕЛ. Вы хорошо выглядите, вы посвежели, вы стали стройная. Что еще вы желаете услышать?

АНА. Что я стала легкой, и вам стало легко на сердце...

ПАВЕЛ. Вы стали легкой, и мне стало легко на сердце. Что еще?

АНА. Что вы ждали меня и скучали...

ПАВЕЛ. Я ждал вас и скучал. Что еще, Ана?

АНА. Как же мне сегодня трудно. Раньше мне попадались только Паши. Мне с ними было просто и понятно. Раньше мне никогда не попадались Павлы. И вот встретился один. Как же мне с вами тяжело, Павел! Невыносимо тяжело. Зачем вы мне строите козни, Павел?

ПАВЕЛ. Зачем вы сели на диету, Ана?

АНА. Вы так сказали.

ПАВЕЛ. Зачем вы сели на диету?

АНА. Чтобы похудеть.

ПАВЕЛ. Зачем вы сели на диету?

АНА. Я не могу сказать.

ПАВЕЛ. Почему? Потому что вам нечего сказать или потому что вам стыдно сказать?

АНА. Потому что мне стыдно.

ПАВЕЛ. Идите домой, Ана.

АНА. Вы меня прогоняете?

ПАВЕЛ. Да. Уходите.

АНА. Да что же вы кровь мою пьете целыми стаканами?

ПАВЕЛ. Я не занимаюсь политикой, Ана. Я жду вас к себе, когда вам станет не стыдно. Когда вы без всякого глупого стеснения скажете мне открыто и непосредственно, зачем вы похудели. А такой, как сейчас, я не хочу вас видеть.

АНА. Это все?

ПАВЕЛ. Все.

АНА. Я все поняла.

ПАВЕЛ. Вот и хорошо.

АНА. Прощайте, Павел.

ПАВЕЛ. До свидания, скромное создание.

Вторая сцена в гостях

Тогда Ана устала хотеть.

АНА. Паша, они такие плохие!

ПАША. Кто?

АНА. Они! Циничные, холодные, дерзкие! Как они любят издеваться. Почему ты меня не предупредил! Ты же знал, как мне будет больно! Ты знал и ничего не сделал.

ПАША. Накажи меня.

АНА. Паша, я больше не могу...

ПАША. А больше и не надо. Пойдем, я тебя уложу.

АНА. Не говори так! Я не хочу, чтобы меня укладывали. Я хочу, чтобы меня любили, и я любила.

ПАША. Все этого хотят.

АНА. Обними меня крепче, Паша. Еще! Сильнее! Задуши меня!

ПАША. Я не буду тебя душить. Я буду тебя любить.

АНА. Не надо. Лучше искалечь меня, изуродуй!

ПАША. Что с тобой?

АНА. Мне противно быть красивой! Я хочу стать уродливой! Где же все уроды? Почему они не идут сюда! Я их хочу! Пусть они примут меня к себе!

ПАША. Я здесь.

АНА. Урод мой хороший. Почему ты такой хороший? Почему ты не плохой?

ПАША. Так надо для тебя.

АНА. Надо жить и для себя, Паша. Нельзя же быть таким умным и добрым. Это жестоко!

ПАША. Хорошо, хорошо. Я испорчусь.

АНА. Быстрее портись, пожалуйста.

ПАША. Хочешь сейчас?

АНА. Господи, почему здесь так сыро? Я вся мокрая. Что случилось?

ПАША. Ничего... Это на улице идет дождь. Он намочил твои глаза.

АНА. Какие влажные мои глаза!

ПАША. Как первое море в детстве.

АНА. Почему же мои волосы сухие?

ПАША. Сегодня особенный дождь. Он не везде льет. Он поливает только избранные ресницы.

АНА. Какой странный неправильный дождь, но мне надо идти. Спасибо за все.

ПАША. Возьми зонт.

АНА. Больше дождя уже не будет.

ПАША. Ты уверена?

АНА. Уверена. Слишком уверена.

ПАША. Возвращайся. Если что.

АНА. Я вернусь. Когда-нибудь.

ПАША. Договорились.

Вторая сцена дома

Тогда Ана вернулась домой.

Она была наполнена страданием и злобой, но понемногу стала добреть. Доброта густо стекала по ее внутренним органам, от сердца к верхним и нижним конечностям.

Когда же добротой покрылась вся кожа, острый приступ боли судорожно свел ее исхудавшее тело. Ана закричала, присела и посмотрела куда-то в небо. Небо опрокинуло Ану к земле, и она распласталась на голом полу. Качалась голова, метались руки, дрожали ноги. На голый пол из Аны вытекала теплая сладкая жидкость из крови, любви и бромелайна.

Тогда Ана родила ананас.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Третья сцена в салоне

Тогда Ана захотела поделиться своим счастьем.

АНА. Хочешь, я тебя поцелую?

ВЛАД. Спокойней, спокойней, маленькая. Ты сегодня чересчур изящная. Меня это пугает.

АНА. Да, я изящная, я изумительная, я хочу всех целовать. И нечего меня так бояться.

ВЛАД. Я, кажется, догадался: ты покорила тело Павла.

АНА. А вот и нет.

ВЛАД. Ты встретила новую жертву?

АНА. Зачем так сложно рассуждать? Сегодня замечательный день. Мне хорошо, и у меня появился ананас.

ВЛАД. Я заметил. С тебя даже можно рисовать полотно «Мадонна с ананасом».

АНА. Правда, мой ананас красивый?

ВЛАД. Я ничего не понимаю в маленьких ананасах.

АНА. Хочешь подержать его на руках?

ВЛАД. Зачем?

АНА. Возьми. Это так приятно. Только держи его аккуратнее. Вот так. Ты что-нибудь чувствуешь?

ВЛАД. Ничего. Ананас как ананас.

АНА. Какой ты черствый! Ты должен ощутить нежность.

ВЛАД. Извини. Я же ненастоящий ботаник.

АНА. Нет. Просто ты ненастоящая женщина.

ВЛАД. Раз мужчины – ненастоящие женщины, я тем более не смогу понять всю нежность ананасов. Возьми его обратно.

АНА. Сладенький мой. Только мы можем тебя питать, холить, пока ты маленький. А мужчины – такие эгоисты. Они могут только играть с тобой, когда ты подрастешь.

ВЛАД. Тебя несет сегодня далеко.

АНА. Я с тобой хотела разделить свою радость, а ты не готов к разделу. Ты меня разочаровал.

ВЛАД. Значит, у меня сегодня нет повода для радости.

АНА. А я считала, что ты чуть больше, чем мужчина. Что ты эмоциональный и очень мягкий. Но, не смотря на это, ты – мужчина. Как жаль.

ВЛАД. Что с тобой произошло?

АНА. Многое.

ВЛАД. За одну ночь?

АНА. Всего за один час. Мой мир стал обитаемым. Его открыл нечаянно один отчаянный путешественник. А может, его выбросило сильной волной или сильной судьбой на мой песчаный берег. Утром я поняла, что единственная на планете Ана с одним «н» не может уже больше быть единой. Никогда.

ВЛАД. Так. Сегодня мы определенно существуем с тобой параллельно. Может, ты сделаешь маленькое усилие, чтобы со мной пересечься?

АНА. А надо?

ВЛАД. Мне было бы тогда проще с тобой общаться. Хоть я и «искусственная» женщина. Или какая там?

АНА. «Искусственная» женщина никогда не поймет настоящую. У нас одинаковые желания, но у нас разные органы.

ВЛАД. Раньше мы понимали друг друга своими разными органами.

АНА. Не обижайся. Мы и сейчас отлично ладим. Я потом тебе все расскажу. Нет, не все. Потому что все не надо.

ВЛАД. Настоящим женщинам не надо все рассказывать. Их слова надо сочинять и дописывать.

АНА. Вот и хорошо. Мы снова понимаем друг друга.

ВЛАД. Мы провели наш перпендикуляр.

АНА. Да! Не побоимся этого слова! Я все-таки тебя поцелую.

ВЛАД. Целуй, маленькая.

АНА. У меня к тебе есть еще одна странная просьба.

ВЛАД. Это за твой поцелуй?

АНА. Нет. Но если хочешь, я могу еще.

ВЛАД. Пусть сегодня мои губы отдохнут. Так что за странная просьба?

АНА. У меня по записи два клиента. Ты посидишь с моим ананасом?

ВЛАД. В каком смысле?

АНА. Проследи, чтобы с ним ничего не случилось.

ВЛАД. А что с ним может случиться?

АНА. Всякое. Они же такие хрупкие и беззащитные – новорожденные ананасы. Ты не знал?

ВЛАД. Я ... догадывался.

АНА. За ними нужен постоянно глаз да глаз.

ВЛАД. Хорошо, я присмотрю.

АНА. Ты бы мог его покачать на руках?

ВЛАД. Это, чтобы он лучше зрел?

АНА. Вот именно, чтобы лучше зрел. А еще его надо будет покормить.

ВЛАД. В смысле полить?

АНА. Да, если он захочет пить, ты дай ему немного теплой водички.

ВЛАД. Если он захочет, то я ему, так и быть, не откажу.

АНА. Спасибо.

ВЛАД. Мне не трудно. Работай спокойно и творчески.

АНА. Значит, я всегда могу рассчитывать на тебя?

ВЛАД. На меня, коллега, можно всегда.

АНА. Все-таки мужчины не такие плохие, как о них думают.

ВЛАД. Некоторых можно даже любить.

Третья сцена у клиента

Тогда Ана захотела поделиться своей любовью.

АНА. Павел, я пришла к вам...

ПАВЕЛ. Правда?

АНА. Мне надо вам...

ПАВЕЛ. Подождите, Ана. Не так быстро. Что это у вас в руках?

АНА. Мой ананас.

ПАВЕЛ. Давайте, я отнесу его на кухню.

АНА. Нет. Ему надо полежать. Где ваша кровать?

ПАВЕЛ. Пройдемте. Эта устроит.

АНА. Вполне. Она теплая и чистая.

ПАВЕЛ. Какой он славный, ваш ананас.

АНА. Вам он тоже нравится?

ПАВЕЛ. Очень. Такой маленький, милый и свежий. Так бы его целиком и съел.

АНА. Я его тоже люблю.

ПАВЕЛ. Пусть отдыхает. А я и не мог подумать, что вы ко мне так скоро придете. Вы потеряли всякий стыд?

АНА. Потеряла.

ПАВЕЛ. Вы теперь знаете, почему вы сели на диету?

АНА. Теперь знаю.

ПАВЕЛ. Отлично, Ана. Вы делаете успехи в личной жизни. Надеюсь, вы не хотите меня укладывать?

АНА. Не хочу. Но я хочу вам сказать, что в наше время, Павел, очень актуально иметь парикмахера – любовницу. Вы бы всегда выглядели идеально, вы были бы ухожены. Я бы ухаживала за вами. Вы были бы у меня самым красивым и через пять и через десять лет.

ПАВЕЛ. Вы согласны стать моей любовницей?

АНА. Парикмахером – любовницей.

ПАВЕЛ. Поцелуйте меня. Вам понравилось?

АНА. Да.

ПАВЕЛ. Как вам понравилось?

АНА. Как первый глоток пива в полуденный зной.

ПАВЕЛ. Прекрасно. Продолжаем целоваться. Что сейчас вы чувствуете?

АНА. Холодок, пробегающий по спине.

ПАВЕЛ. То есть щекотливый и возбуждающий озноб?

АНА. Очень похоже.

ПАВЕЛ. Мои руки ищут капли на вашем теле. Где же мне их найти? Подскажите.

АНА. Зачем вы так много говорите?

ПАВЕЛ. Я люблю заниматься любовью и люблю в этот момент обсуждать каждую секунду любви.

АНА. Это любовь?

ПАВЕЛ. Пока мы этим занимаемся, это любовь.

АНА. А после?

ПАВЕЛ. А после мы снова будем хотеть любви. Вы готовы любить и обсуждать?

АНА. Конечно.

ПАВЕЛ. Зачем вы посмотрели на часы?

АНА. Профессиональная привычка. Я всегда в начале работы с клиентом проверяю волосы на педикулез и смотрю на часы.

ПАВЕЛ. Но я уже не ваш клиент.

АНА. Извините. Я не то хотела сказать. Я перед любым процессом непроизвольно осматриваю затылок и засекаю время.

ПАВЕЛ. Вы решили со мной пойти на рекорд?

АНА. Нет, нет. Мне все равно, сколько будет продолжаться наша любовь.

ПАВЕЛ. А мне не все равно.

АНА. Извините.

ПАВЕЛ. Вы часто извиняетесь. Это плохо.

АНА. Так что же мне делать?

ПАВЕЛ. Лучше не делать плохо. Тогда не будете извиняться. Лучше сделайте мне приятное.

АНА. Я постараюсь.

ПАВЕЛ. Какие у тебя сейчас трогательные глаза. Как будто тебе так невыносимо хорошо, что ты можешь сейчас разрыдаться.

АНА. Я странно себя ощущаю. Вам не кажется, что где-то плачет ребенок?

ПАВЕЛ. Я не слышу. Твои глаза наполнены страстью и милосердием, как у молодых матерей.

АНА. Я слышу плач ребенка. Он где-то рядом.

ПАВЕЛ. Не может быть. Я снова хочу узнать силу твоей ласки.

АНА. Меня, кажется, зовут.

ПАВЕЛ. Пустое. Неужели ты не хочешь еще раз?

АНА. Еще раз будет слишком. Нам надо немного остыть и осознать наши чувства.

ПАВЕЛ. Твой живот такой трепетный. Он до сих пор не может успокоиться.

АНА. Не надо больше.

ПАВЕЛ. Надо. Твои вены неистово пульсируют.

АНА. Может, я зря отказалась?

ПАВЕЛ. Тогда согласись. Я сделаю так, что нас никто не осмелится тревожить.

АНА. Я больше не услышу звуки плача?

ПАВЕЛ. Нет, только звуки любви.

АНА. Только слова любви?

ПАВЕЛ. Только мысли любви.

Третья сцена в гостях

Тогда Ана захотела поделиться своими мыслями.

АНА. Любовь так опустошает. Как будто из тебя все вытекает. Происходит полное обезвоживание организма, и хочется пить, и хочется проклинать себя за слабость. Неужели это была я? Но тогда кто же, как не я? Странно! Как все безотчетно странно устроено в нашем теле. Иногда, мне кажется, что любовь – это самое темное чувство. Оно радует смерть. Тебе так не кажется?

ПАША. Ты всегда так мрачна по вечерам. На тебя так влияет закат солнца?

АНА. Все возможно. Но, скорее всего, у меня очень близко расположены органы любви и совести, радости и депрессии. Они часто соприкасаются и вызывают у меня неоднозначные реакции. Я иногда, Паша, путаюсь, когда я люблю, а когда просто люблюсь. Я могу вспомнить тебя и очень сильно захотеть к тебе прижаться, чтобы ощутить волнение твоего возбужденного тела.

ПАША. Что же тебе мешает?

АНА. Я не могу так быстро к тебе перемещаться. А когда я сижу возле тебя, вот так как сейчас, я не испытываю ничего.

ПАША. Совсем ничего?

АНА. Я не испытываю никакого влечения, только спокойствие, умиротворение и осознание того, что ты мой надежный и хороший парень, с которым я живу полгода, но уже неделю я не видела тебя обнаженным, а ты меня. Ты потихоньку протестуешь, а я ничего не могу с собой поделать. Ты, наверное, на меня очень зол?

ПАША. Я мужаюсь. На тебя бесполезно злиться. Тебя можно только подождать, и ты вернешься.

АНА. Сколько ты будешь ждать?

ПАША. Чуть-чуть.

АНА. А больше можешь?

ПАША. Могу.

АНА. Где взять мне мужества, чтобы все расставить на места. Я ведь знаю, как это сделать, только что-то мне не позволяет. Какой-то один орган.

ПАША. Я даже знаю какой. Но раз он есть, надо с ним считаться.

АНА. А мы можем быть сильнее его?

ПАША. Нет. Я даже иногда думаю, что я рою себе могилу своим же членом.

АНА. Как страшно...

ПАША. Не то, чтобы страшно, но привыкнуть можно.

АНА. Как красиво и смешно ты сказал. Оказывается, по вечерам ты тоже грустишь. Как мы будем жить, Паша?

ПАША. Хорошо, пока живется хорошо.

АНА. Не смотря ни на что?

ПАША. У нас нет выбора.

АНА. Но мы можем вдвоем усилить наши желания?

ПАША. Если вдвоем, то можно.

АНА. Бывает, я верю в свои мечты. Особенно я люблю перед сном представлять необычные ситуации со своим участием. Я проживаю фантастическую жизнь. Она намного интереснее и насыщеннее реальной. За все свои годы, может быть, я не успею ничего сделать великолепного, гениального, но я успею столько пережить в мечтах. Я смогу побывать во всех странах и во всех эпохах, пообщаться с Иисусом Христом и маленьким Володей Ульяновым, я могу родить три тысячи триста тридцать трех детей и переспать с каждым жителем двухмиллионного города. Я практически могу все, но даже этого мне мало.

ПАША. Этого мало?

АНА. Катастрофически мало. Иногда человеку для полного счастья именно сейчас болезненно необходима обильная порция любви и только с одним единственным человеком. Но он не может сейчас получить этого человека и его любви. Тогда происходит большая вселенская трагедия, и никто ему не поможет.

ПАША. Грустная история. Так много всего удивительного вокруг, а надо одно.

АНА. Бедные, мы бедные.

ПАША. Я вспомнил сейчас свою бабушку.

АНА. Что с ней?

ПАША. Все нормально. Ее давно уже нет. Знаешь, что она сказала на жалобы людей, какие они бедные и несчастные?

АНА. Что?

ПАША. «Какие вы глупые. Счастья и богатства очень много, только смотрите внимательнее. Оно скрывается в каждой ширинке!».

АНА. У тебя была опытная бабушка.

ПАША. Скорее, мудрая.

АНА. Но, понимаешь, Паша, ширинку найти легко, а вот жить с этой ширинкой порой очень сложно.

ПАША. Да что же мы так страдаем сегодня?

АНА. Потому что у нас нет волшебной палочки.

ПАША. Но мы можем купить волшебное яичко.

АНА. Какое яичко?

ПАША. Волшебное или любовное. Бабушка мне поведала старинный рецепт усиления любви.

АНА. Оригинально.

ПАША. Нет, все очень банально. Нужен десяток куриных яиц.

АНА. Целый десяток?

ПАША. Не перебивай. Яйца не должны иметь фабричный штамп. Лучше купить деревенские. На рынке у старушки. Дома эти десять яиц ты по очереди понемногу держишь в левой руке и выбираешь одно, на твой взгляд, самое теплое и одно самое холодное. Горячее яйцо и есть то самое – любовное. Заверни его в фотографию любимого человека. Это будет его одежда. Потом яйцо в одежде закопай в горшке с землей. Это будет его домик. Потом в горшок посади любое растение, чтобы никто не догадался, что прячешь ты внутри горшка. Затем ты будешь ухаживать за растением, как за яйцом. Никому об этом не рассказывай, а растение назови именем любимого человека. Пока растение твое будет расти и пахнуть, будет крепнуть и любовь.

АНА. Понятно. А зачем холодное яйцо?

ПАША. Чуть не забыл самое важное в этом процессе. Холодным яйцом ты должна накормить любимого человека. Приготовь любое блюдо: салат, яичницу, гоголь-моголь. Но покорми его не позже, чем через двадцать четыре часа, после того, как ты совершишь посадку.

АНА. В этот бред можно верить?

ПАША. Некоторым помогало. Во всяком случае, ты можешь проверить. Главное, страстно и увлеченно ухаживать за ростком любви, тогда он не увянет. Если же тебе он безразличен, то никакое яйцо не спасет вашу любовь.

АНА. А если мне станет в тягость эта любовь?

ПАША. Тогда поменяй все: яйцо, фотографию, горшок, растение, любовника и себя.

АНА. А прежние вещи выбросить с балкона?

ПАША. Можешь выбросить, но их может подобрать другая. Тебе не будет жалко потерять прежнюю любовь?

АНА. Я еще ее не потеряла.

ПАША. А мне кажется, что в нашей жизни что-то безвозвратно ушло.

Третья сцена дома

Тогда Ана оглянулась.

Никого не было. Она огляделась по сторонам и поняла, что исчез ее самый любимый в жизни ананас. В начале она как-то вяло пыталась его отыскать, но потом окончательно осознала всю глупость поисков.

Ана решила во всем разобраться на следующий день. Для этого она решительно взяла в руки длинные ножницы, хорошенько их заточила до блеска остроты и состригла лишние волосы у висков, чтобы стало совсем легко двигаться среди мужчин.

Тогда Ана подумала о мести.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Четвертая сцена в салоне

Тогда Ана начала мстить Владу.

АНА. Мне больно!

ВЛАД. Не может быть.

АНА. Нет, ты мне сделал больно. У тебя такие твердые руки. Неприятные. Почему у мужчин такие грубые руки?

ВЛАД. Они боятся причинить нежность.

АНА. Какое испытание, когда ты расчесываешь волосы. Больше не надо.

ВЛАД. Тебе не нравится?

АНА. Нет. Но это совсем не то, о чем ты думаешь.

ВЛАД. А о чем думаю я?

АНА. О своей несостоятельности. У тебя взгляд несостоятельного мужчины.

ВЛАД. Откуда ты знаешь, маленькая?

АНА. Я уже большая. Слишком большая, чтобы знать, что у брошенных мужчин жалкие глаза. Но их совсем не жалко. Они только раздражают.

ВЛАД. Я настолько ужасен?

АНА. настолько, что на тебя невозможно смотреть.

ВЛАД. Что со мной произошло? В своей профессии я мастерски научился обольщению...

АНА. Но в жизни ты не научился удержанию.

ВЛАД. Неужели мои пальцы потеряли магию? Неужели я стер о волосы клиентов все рецепторы, и теперь мои руки не излучают взаимное желание?

АНА. Может, волосы привыкли к твоим рукам и им нужны новые чувства?

ВЛАД. Может. Все может. Но меня снова бросили.

АНА. Нельзя же всегда быть первым.

ВЛАД. Но уже в который раз я второй. Мне надоели серебряные медали. Почему в последнее время мы стартуем вдвоем одновременно и хорошо, а бежим мы, оказывается, разные дистанции. Я – стайер, который нелепо попал на одну дорожку со спринтером. Нам еще бежать и бежать с барьерами и препятствиями, но мой спринтер уже давно финишировал.

АНА. Может тебе тоже перейти на короткие дистанции?

ВЛАД. Не хочу. Наверное, мое призвание в профессии и в жизни заключается в бесконечном соблазнении. И ни грамма любви. Она все испортит. Мне нельзя влюбляться. Как жалко, что любовь не продается. Как хорошо, что заниматься любовью можно за деньги.

АНА. К сожалению, не всегда. За деньги можно купить только ананасы.

ВЛАД. Если даже любовью нельзя заниматься за деньги, то зачем тогда такие деньги?

АНА. Да. В этом деле деньги совершенно не нужны.

ВЛАД. Удивительная вещь получается: все люди хотят дать одно и то же и хотят получить одно и то же, но никто, ни один человек в итоге не дает и не получает то, что хочет. Причем совершенно бесплатно. Это же так глупо.

АНА. Зато это так естественно. Как в природе.

ВЛАД. Нет, так нельзя. Я не хочу так. Я должен верить в любовь, в дружбу...

АНА. Не верь. Никому не верь. Они тебя обманут.

ВЛАД. Даже ты?

АНА. А что я? И я могу. Разве я какая-то особенная?

ВЛАД. Ты сегодня вся такая невозможная. Не расстраивай меня окончательно.

АНА. Что? Что ты хочешь?

ВЛАД. Доказательств любви.

АНА. От меня?

ВЛАД. Конечно. Ты должна мне еще один поцелуй за то, что я следил за твоим ананасом.

АНА. Ах, да. У меня был ананас, но я его не уберегла.

ВЛАД. Я не виноват.

АНА. Конечно, не виноват. Ну, давай, я тебя поцелую.

ВЛАД. Нет, не так. Так целуются, когда прощаются с покойником.

АНА. Вот так?

ВЛАД. Нет, не то. Так мать целует сына.

АНА. Может так?

ВЛАД. Ты не понимаешь. Так только целуются друзья, когда они уже не друзья.

АНА. Я не могу по-другому.

ВЛАД. Поцелуй меня как женщина, которая целует мужчину. Снова не то. Это дежурно. Как женщина. Женщина! Еще раз. Все неправда. Только холод, застывший воздух. У тебя нет чувств.

АНА. Я не могу испытывать к тебе чувства. Ты – не мой мужчина. Ты даже не интересуешь меня как мужчина.

ВЛАД. А почему? Ведь я мужчина. Настоящий. Ты не знала? Посмотри на меня. У меня же все есть. Ты даже говорила, что я больше, чем просто мужчина. Ты говорила, что я эмоциональный, трогательный, нежный, мягкий. Почти как ангел.

АНА. Даже у ангелов есть недостатки. А еще у ангелов есть крылья. И их иногда отпускают на волю.

ВЛАД. Почему со мной так поступают? Я ведь стараюсь! Ты ведь могла обратить на меня внимание.

АНА. Не могла. У нас не совпадает напряжение. Мы с тобой разные розетки.

ВЛАД. Если я не напряжен для тебя как мужчина, почему я не интересую тебя как друга?

АНА. Мужчина – друг? Странное понятие. Его невозможно определить словами. Это даже не интрижка. Это состояние не подходит к нам. Ведь женщины не могут дружить с женщинами, а мужчины с мужчинами.

ВЛАД. Но ведь дружат.

АНА. Что ты! Это не вечно. Так. До поры до времени. Вернее, всего лишь до первого инстинкта секса. Как только нам где-то стелют постель, мы тут же забываем о друзьях.

ВЛАД. То есть сначала интим, а дружбу предлагать потом.

АНА. Потом, потом. Когда интим не предлагают. Даже самое слабое сексуальное влечение всегда сильнее самой сильной дружбы.

ВЛАД. Хотя твои слова и верны, я тебе не верю.

АНА. Твое право. Мы прекрасно будем жить и дальше каждый со своим мнением. Только ты там, а я там. И только здесь, на работе наши мнения будут совпадать.

ВЛАД. Мнения о том, что ничего нет, но возможно все еще будет?

АНА. Именно так. Правда, было бы здорово, если бы я все-таки ошиблась.

ВЛАД. К сожалению, ты этого не дождешься.

АНА. Не поняла.

ВЛАД. Ты меня больше не увидишь, и мы не узнаем, ошиблась ты или нет. Я не буду больше делать красивыми людей. Они этого не заслуживают. У них некрасивые мысли. И слова. И поступки. Я не настроен эту фальшь скрывать своим бывшим талантом.

АНА. Что же ты будешь делать, маленький?

ВЛАД. Попробую написать свой роман. Говорят, на этом можно хорошо заработать.

АНА. Можно еще и прославиться.

ВЛАД. Попробуем.

АНА. А как же твои руки?

ВЛАД. Отныне они будут соблазнять книгами. До новых сексуальных встреч, коллега.

Четвертая сцена у клиента

Тогда Ана начала мстить Павлу.

АНА. Только не это, Павел. Только не это.

ПАВЕЛ. Но почему?

АНА. Наверное, я устала. Я не в настроении. У меня нет желания. Я потеряла вдохновение, а без него никак.

ПАВЕЛ. А ты постарайся. Вдохновение приходит во время работы.

АНА. Нет, Павел, нет. Я не буду тебе сегодня делать прическу.

ПАВЕЛ. Так неинтересно. Кто-то обещал, что будет ухаживать за мной, ежедневно следить за моей красотой.

АНА. Я знаю...

ПАВЕЛ. Кто-то хотел, чтобы я был самым красивым на свете...

АНА. Я помню...

ПАВЕЛ. А я сегодня не самый красивый на свете.

АНА. Для меня нормальный.

ПАВЕЛ. Я не хочу быть нормальным. Я сегодня хочу быть самым красивым, а я сегодня не самый.

АНА. Но зачем тебе им быть, если я и так здесь?

ПАВЕЛ. Ах, вот как. Ана, вы не правы. Как бы я ни замечательно выглядел, вы должны хоть что-то во мне поправить. Хотя бы один раз провести расческой, хотя бы вырвать один волос, но вы должны что-нибудь сделать. Это для меня важно.

АНА. Как-нибудь в другой раз.

ПАВЕЛ. Не будет другого раза. Все уже случилось, и вам больше ничего не нужно. Теперь вам все равно, как я выгляжу. Вы ко мне стали равнодушны. Я предчувствовал, что нечто подобное скоро произойдет. Нельзя иметь и первоклассную любовницу и первоклассного парикмахера одновременно. В конце концов, можно потерять все. Скажите правду, Ана с одним «н», вас интересует, что с нами будет дальше?

АНА. Интересует.

ПАВЕЛ. Вы лжете?

АНА. Может, хватит мне «выкать»?

ПАВЕЛ. Действительно. После всего, что произошло, еще и обращаться к тебе на «вы».

АНА. Прости меня.

ПАВЕЛ. Ты невысказанно красивая, когда злая.

АНА. Я не то должна говорить.

ПАВЕЛ. У тебя неприятности?

АНА. Да. Я потеряла свой ананас.

ПАВЕЛ. Будут еще ананасы.

АНА. Как ты не понимаешь. Он же мой ананас. Он был моим, а я его потеряла.

ПАВЕЛ. Я помню, какой он был милый, свежий, зеленый. Но ведь в мире есть много других маленьких и хороших ананасов.

АНА. Такого больше не будет. Я должна его найти.

ПАВЕЛ. А если его больше нет? И никогда не будет? Ты будешь сильно страдать?

АНА. Я стерплю потерю. Но может он сейчас где-то лежит и страдает без меня, а я ничего не могу сделать.

ПАВЕЛ. Скажи, что для тебя страшнее: потерять меня или ананас? Только подумай хорошо.

АНА. Тебя.

ПАВЕЛ. Точно меня?

АНА. Да.

ПАВЕЛ. Тогда я скажу правду. Ананас ты забыла у меня.

АНА. Он у тебя? Покажи мне.

ПАВЕЛ. Завтра. Давай все сделаем завтра.

АНА. Нет, я должна увидеть его сейчас.

ПАВЕЛ. Я не могу его показать.

АНА. Не можешь? Как же так? Что ты с ним сделал?

ПАВЕЛ. Съел. А что здесь такого?

АНА. Нет...

ПАВЕЛ. Купим еще.

АНА. Нет...

ПАВЕЛ. Купим еще лучше.

АНА. Такого у нас больше не будет.

ПАВЕЛ. Будет-будет.

АНА. Такой больше я не буду. Я навсегда потеряла ананас, а ты потерял меня. Меня прежнюю.

ПАВЕЛ. Как много мы потеряли. Мы стали с тобой такими потерянными.

АНА. И одинаковыми. Я этого ждала и боялась.

ПАВЕЛ. Разве это плохо?

АНА. Очень. Чем ближе люди, тем они дальше. Хорошо еще то, что ты пока мужчина с темными глазами.

ПАВЕЛ. Это не так.

АНА. Ты не мужчина?

ПАВЕЛ. У меня голубые глаза. Такие же светлые и пронзительные, как и у тебя.

АНА. Так это обман?

ПАВЕЛ. Нет, это линзы.

АНА. Линзы. Конечно, линзы. Обычные темные линзы.

ПАВЕЛ. Что-то изменилось?

АНА. Мы до проклятия стали одинаковыми. Как одно существо.

ПАВЕЛ. Ты нас боишься?

АНА. Боюсь и очень отчетливо.

ПАВЕЛ. Разве мы такие страшные?

АНА. Мы отвратительные.

ПАВЕЛ. И что мы будем теперь делать?

АНА. Теперь мы будем делать тебя самым красивым на свете. Ты готов?

ПАВЕЛ. Морально готов.

АНА. Вот и приступим.

ПАВЕЛ. Ты с каждым разом становишься лучше и лучше. Движения твоих рук очень привлекательны.

АНА. Будь осторожен. Я могу поранить.

ПАВЕЛ. Я думал тебе приятно слушать о своем мастерстве.

АНА. Только на рабочем месте. Послушай, Павел. У меня к тебе есть один философский вопрос.

ПАВЕЛ. Какой?

АНА. Как ты думаешь, что первичнее: плоть или душа, похоть или любовь?

ПАВЕЛ. Наверное, в начале была плоть и похоть.

АНА. Почему не любовь? Почему не душа?

ПАВЕЛ. Потому что, если бы в начале была душа, то Адаму не нужна была бы Ева. Ему бы было так хорошо одному на этой безгрешной планете.

АНА. Понятно, Павел.

ПАВЕЛ. Тебя разочаровал мой ответ.

АНА. Нет, вовсе нет. Меня разочаровывают твои волосы.

ПАВЕЛ. Что с ними не так?

АНА. У тебя из ушей растут густые и некрасивые волосы. Их надо остричь.

ПАВЕЛ. Пусть растут.

АНА. Тогда через пять лет, когда ты будешь лысый, волосатыми у тебя будут только уши.

ПАВЕЛ. Ну и пусть.

АНА. Тогда ты не будешь самым красивым мужчиной на свете.

ПАВЕЛ. Тогда остригай.

АНА. Передай, пожалуйста, вот те длинные ножницы.

ПАВЕЛ. Они достаточно острые?

АНА. Достаточно острые для чего?

ПАВЕЛ. Чтобы мне не было больно.

АНА. Больно не будет. Больно только женщинам при родах, а ты никогда не узнаешь, что такое боль.

ПАВЕЛ. Я ничего не почувствую?

АНА. Ничего. Раз – и все! Вот так поступают Аны с одним «н».

ПАВЕЛ. Я стал плохо слышать. Что ты сказала?

АНА. Я сказала, что так поступают все Аны с одним «н» со всеми дурраками с двумя «р».

ПАВЕЛ. Я ничего не слышу. Ана! Я умираю?

АНА. Да, ты умираешь, Павел. Прощай.

ПАВЕЛ. До свидания, женское создание.

Четвертая сцена в гостях

Тогда Ана начала мстить Паше.

АНА. Я пришла.

ПАША. Я рад.

АНА. Вот.

ПАША. Ты что-нибудь будешь?

АНА. Нет, нет. Ничего не надо.

ПАША. В тебя кто-то влюбился.

АНА. Кто?

ПАША. Не знаю. У тебя на носу выскочил прыщик.

АНА. Лучше бы он один раз просто отдался, дал бы еще денег за любовь и исчез навсегда. А то влюбляются, мой внешний вид компрометируют.

ПАША. Какая ты пошлая.

АНА. Да я вообще вульгарная. Не пугайся. Это не надолго. Только на сегодня. Посмотри! Какой красивый закат. Удивительно красивый. Я давно не любовалась последним солнцем.

ПАША. Оно чересчур кровавого цвета. Завтра будет жарко.

АНА. Замечательное солнце! Оно заодно со мной.

ПАША. Вы что-то с ним задумали?

АНА. Мы кое-что исполнили.

ПАША. Удачно?

АНА. Почти.

ПАША. Поздравляю.

АНА. А я поздравляю тебя.

ПАША. С чем?

АНА. С тем, что я останусь у тебя на ночь.

ПАША. Да быть не может?!

АНА. Точно.

ПАША. Наверное, кто-то умер.

АНА. Что?

ПАША. Есть такая примета: если происходит что-то невероятное, то по причине смерти кого-то в лесу.

АНА. Ерунда. Просто я соскучилась по тебе. Действительно соскучилась. Теперь мы будем жить как раньше. Я буду после шести вечера хорошо питаться и заниматься любовью.

ПАША. Ты покончила с диетой?

АНА. Да. Теперь я буду есть все. Только не ананасы.

ПАША. Вот и здорово, а то я переживал, что ты обидишься.

АНА. За что?

ПАША. За то, что я съел твой ананас.

АНА. Какой ананас?

ПАША. Твой. Ты оставила у меня ананас. Я к ним абсолютно равнодушен, но иногда так хочется. Вот и утром вдруг так захотелось. До судороги во рту. Я его один целиком съел.

АНА. Повтори, что ты сказал.

ПАША. Я его целиком съел один и ничего тебе не оставил.

АНА. Ничего?

ПАША. Ни кусочка.

АНА. И тебе было вкусно?

ПАША. Как никогда.

АНА. И ты не поперхнулся?

ПАША. Ни разу.

АНА. И ты не подавился?

ПАША. Нет.

АНА. И ты не задохнулся?

ПАША. Тебе ананаса для меня жалко?

АНА. Паша, Паша, что же ты... Для тебя мне ничего не жалко. Ты никогда не будешь теперь голодать. Я накормлю тебя своей страстью досыта. Уж поверь мне. Я докажу тебе свою любовь. Только я не могу понять, почему ты не совладал со своей слабостью к маленькому ананасу?

ПАША. Я не смог. А ты смогла бы?

АНА. Я? Наверное... А разве со слабостями можно бороться? Их можно только удовлетворять.

ПАША. Вот такой и я. Очень слабый.

АНА. По Европе бродит призрак. Призрак ананаса.

ПАША. Что?

АНА. Уже ничего. Ты знаешь, я передумала. Я не останусь у тебя.

ПАША. Я так и знал. Ты на меня обиделась.

АНА. Это не обида, Паша. Я у тебя еще останусь. Очень скоро. Но только в качестве твоей жены. Ты согласен?

ПАША. Ты меня снова разыгрываешь?

АНА. Я, как никогда, серьезна. Пока я не передумала, соглашайся. Больше я предлагать не буду.

ПАША. Я согласен.

АНА. Тогда завтра утром встречаемся в ЗАГСе. Не забудь взять паспорт.

ПАША. Я этого никогда не забуду.

АНА. Поцелуй меня нежно. Теперь еще раз. И еще. Вот так. Я стала чуточку уверенней. Сейчас мне очень хорошо.

ПАША. Не уходи. Мы должны отметить этот день.

АНА. Этот день отмечать не надо. У нас будет еще праздник. Большой праздник.

ПАША. Может, поужинаем вместе?

АНА. Нет. Мне надо сесть на новую диету. Невеста должна отлично выглядеть. А твоя жена должна быть просто безупречной. Она должна выделяться и своим внешним видом, и своими поступками.

ПАША. Раз ты так решила...

АНА. Да, так будет лучше.

ПАША. Можно я тебя еще раз поцелую?

АНА. Теперь только на свадьбе.

ПАША. На свадьбе, так на свадьбе. Я люблю тебя.

АНА. Я тебя тоже люблю. Ты даже не знаешь, как я тебя люблю. Я так тебя люблю, Павел!

ПАША. Ты никогда меня так не называла.

АНА. Пора уже становиться Павлом, Паша.

ПАША. Я все сделаю для этого, дорогая.

АНА. До завтра, дорогой.

Четвертая сцена дома

Тогда Ана вернулась домой с новой целью и с большим пакетом.

Из пакета она начала доставать купленные в цветочном магазине кактусы в горшках. Кактусы были маленькие, очень маленькие, средних размеров и высокие. Одни уже цвели, другие только собирались распускаться, третьи гордились бесплодной возможностью. Кактусы отличались и размером своих иголок.

Ана длинными острыми ножницами с упоением стригла иголки кактусов, как будто это были кудрявые головы ее клиентов. Когда прически были закончены, Ана подмела упавшие иголки, помыла все постриженные кактусы, вытерла их махровым полотенцем и долго упивалась их стильными, гордыми и короткими стрижками.

Потом Ана, взяв нож с вилкой, нарезала сочную зеленую мякоть и помпезно отправляла ее в свое нутро.

В начале было все ново и неприятно. Потом желание и аппетит взяли свое. Ана почувствовала свою силу. Новая диета удавалась на славу. Ана успокоилась только тогда, когда почувствовала первые симптомы новой жизни.

Тогда Ана засмеялась так радостно, как никогда в прошлой жизни.

ЗАНАВЕС

2004 год